

7
A. H. Schwarz
А. Н. ШВАРЦЪ.

КЪ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИХЪ РЕЛЬЕФОВЪ

НА ЗОЛОТЫХЪ ВЕЩАХЪ,

НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

(Étude pour servir à l'histoire des reliefs grecs trouvés dans la Russie méridionale)

sur les objets en or

(Изъ XV тома „Древностей“).

МОСКВА,

ВЫСОЧАЙШЕ утверждена. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.

1892.

А. Н. ШВАРЦЪ.

КЪ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИХЪ РЕЛЬЕФОВЪ

НА ЗОЛОТЫХЪ ВЕЩАХЪ,
НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

(Изъ XI тома „Древностей“).

МОСКВА,
ВЫСОЧАЙШЕ уполном. Т-во Скороспечати А. А. Левенсонъ, Петровка, д. Левенсонъ,
1892.

Печатано по распоряженію и опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго
Общества, на основаніи § 56 его устава.

I.

Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ Южной Россіи.

Дѣйств. чл. А. Н. Шварца.

Какъ известно, къ числу наиболее любопытныхъ памятниковъ найденныхъ въ могильникахъ южной Россіи, относится, между прочимъ, издѣлія изъ драгоценныхъ металловъ, по богатству работы превосходящія почти все, что въ этомъ отношеніи доставлено было раскопками въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ находились древнія поселенія. Значеніе этихъ издѣлій для исторіи металлической техники и для исторіи античной пластики точно также не можетъ быть оценено достаточно высоко, и не одна русская, но и западная наука, знакомясь съ ними по образцовымъ изданіямъ въ *Antiquités du Bosphore Cimmérien* и въ многочисленныхъ *Comptes Rendus* ея, археологической коммисіи, уже давно обратила свое вниманіе на эти небольшие художественныя вещи, поражающія, какъ выразился о нихъ одинъ изъ выдающихся археологовъ нынѣшняго столѣтія, «своей безподобной красотой и непреходящимъ интересомъ»¹⁾.

Что большинство этихъ издѣлій было привозными, а именно греческими, и что даже тѣ, которыя были выполнены на мѣстѣ, работы были во многихъ случаяхъ по готовымъ уже формамъ, — это не

¹⁾ Cf. Newton: Portfolio 1874, N. 58 et 60 (р. теперь его *Essays on Art and Archaeology*, 1880, p. 373 sq.). Ср. также Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемая гр. Н. Толстымъ и М. Бодяковскимъ, вып. I, стр. 41.

подвергалось никакому сомнению. За греческое их происхождение ручалось и присутствие на нашем юге греческих поселений, и мастерство пластического изображения, и самое разнообразие форм, свидетельствующее о редкой способности къ изобретению, наконец, и тонкое понимание свойств обрабатываемого материала, присущее уже издавна усвоенной и постепенно совершенствуемой технике. На приемы и на готовые формы указывали нередко выюры египетов; въ некоторых случаях, какъ мы увидимъ, указывали и известныя технические приемы выполнения, которые врядъ ли могутъ считаться случайными.

Останавливаясь однако при изученіи этихъ произведений искусства греческое происхождение которыхъ, и притомъ древнее или же можетъ подлежать сомнѣнію, мы, при ближайшемъ съ ними ознакомленіи, очень скоро замѣчаемъ въ некоторыхъ характеристичныя стилистическія черты, которыя не могутъ не возбудить въ насъ желанія точнее определить время изготовления этихъ вещей и хотя бы до некоторой степени уяснить себѣ вліянія, которыми обусловлено было появленіе этихъ особенностей.

При томъ богатствѣ материала, которымъ греческая археологія, благодаря непрерывавшемуся раскопанію, стала располагать въ последнее время, и при той точности, съ которой ей удастся теперь различивать время вліянія того или другаго стиля, — мы въ настоящее время можемъ, повидимому, возводить къ рѣшенію такого рода вопросовъ съ большою надеждою на успѣхъ, нежели въ предшествующія десятилѣтія. И, вполнѣно, мы должны время отъ времени обращаться къ пересмотру накопленныхъ въ этомъ отношеніи наблюдений, ибо для насъ рѣшеніе такихъ вопросовъ имѣетъ не одинъ только художественный интересъ.

Съ рѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ изготовления этихъ художественныхъ изделий и о фабрикахъ, откуда они поступали на черноморскіе рынки, тѣсно связанъ вопросъ и о культурныхъ вліяніяхъ на жившія здѣсь племена различныхъ мѣстностей Греціи, которыя опередили ихъ въ развитіи и которыя отличались другъ отъ друга весьма своеобразными вѣрованіями и обычаями, незамѣтно разлосили эти послѣднія вмѣстѣ съ ивнинами бездѣлушками, вывозимыми сюда собственно для торговыхъ цѣлей.

Вопросъ о происхожденіи известныхъ изделий обрабатывающей промышленности и, вообще, повсюду интересенъ для историка въ неменьшей мѣрѣ, чѣмъ для археолога. Когда же дѣло идетъ о мѣстностяхъ, о которыхъ мы имѣемъ все же очень мало познаній въ историческихъ памятникахъ и для исторіи которыхъ мы должны почти исключительно основываться на данныхъ археологіи, — такіе вопросы

важность первостепенную важность. Хотя именно эта важность ихъ возлагаетъ на исследователей обязанность особенно бережно относиться къ своимъ заключеніямъ.

Воссмотримъ однако, каковы были тѣ основанія, на которыхъ вслѣдъ за первымъ научнымъ исследователемъ южнорусскихъ владимирскихъ древностей, академикомъ Стефаномъ, рѣшился вопросъ о происхожденіи възвѣданныхъ въ интересующихъ насъ теперь памятниковъ, особенно выдѣлавшихся своимъ древнимъ, а не греческимъ характеромъ.

На первый разъ остановимся на двухъ произведеніяхъ, по преимуществу возбуждавшихъ въ послѣднее время вниманіе ученыхъ, а именно на медальонныхъ съ головой Паллады изъ знаменитой гробницы Куль-Оба, открытой въ 1836²⁾ году, и на рельевъ съ свиноемъ изъ мрамора (gorylus древнихъ) изъ не менѣе знаменитаго Чертомлянского кургана, открытаго въ 1863 году.

Разборъ этихъ памятниковъ, обличающихъ не малыми художественными достоинствами, представляетъ значительный интересъ и для занимающаго насъ вопроса.

Нѣсколько можно замѣтить, ученые послѣдняго времени, — подъ вліяніемъ ли поконнаго академика,³⁾ или подъ вліяніемъ находимыхъ при раскопкахъ въ Ю. Россіи предметовъ древней керамики — все еще твердо держатся мнѣнія, будто главнымъ центромъ, откуда поступали въ черноморскіе города, между прочимъ, и металлическія издѣлія, были Аоніи⁴⁾. Отсюда же, по ихъ мнѣнію, должны были вывозиться въ Босфоръ

2) По категорическому заявленію г. Кизерицкаго (Mittheilungen des deutschen archaologischen Instituts in Athen 1883, 8 Jahrgang, s. 292, anm. 2) опредѣленіе времени находки 1831 годомъ въ Антич. и. Востр. Спб. I, р. XV произошло вслѣдствіе случайной ошибки Дюброяса. Авторъ „Русскихъ древностей въ памятникахъ неизвестн.“ вѣд. I, стр. 85 снова даетъ 1831 годъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, гр. Н. Толстой и г. Кондаковъ, и вообще игнорируютъ результаты работы г. Кизерицкаго.

3) Ср. особенно ясное указаніе насчетъ происхожденія древнейшихъ металлических издѣлій изъ Аоніи въ СМ. 1861 г., стр. 111 съ ссылками въ примѣчаніяхъ. О культурномъ значеніи факта такого происхожденія Стефанъ такъ же на стр. 171 говоритъ такія образцы для насъ произведенія художника (разумѣется изъ кургана Чертомлянского) составляютъ новое и чрезвычайно важное свидѣтельство того мощнаго вліянія, которое аонійскій духъ и воинское искусство оказывали также на народы, овладѣвшіе въ глубокой древности южную Россію. Обобщая свои выводы о происхожденіи Кульобскихъ медальоновъ г. Кизерицкій тоже говоритъ объ Аоніяхъ, какъ о Hauptexportort für südrossische Kolonien.

4) Впрочемъ ясно высказали свое убѣжденіе въ Аоніскомъ происхожденіи металлических издѣлій Шантицкии и L. Schwabe, бывшій проф. Дерптскаго университета, въ академическомъ рѣшеніи 12 Дек. 1866: die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des schwarzen Meeres (Separatdruck aus der Baltischen Monatschrift 1867), s. 12. Ср. и O. Rayet, Etudes d'Archéologie et d'Art, Paris. 1888, p. 205 и 211. Осторожно говорить г. Павловичъ, Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи, стр. 379, гдѣ признается, очевидно, по вѣдѣнію на Босфорѣ художниковъ какъ изъ Аоніи, такъ и вообще юнійскихъ городовъ.

и тѣ формы, по которымъ работали местные художники. Названные сейчасъ рельефы считаются особенно надежнымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія и ихъ аттическое происхожденіе, какъ мы увидимъ, действительно все еще принимается на вѣру почти безъ колебаній.

Такъ г. Кизерицкій, переправивъ въ Извѣстіяхъ нѣмецкаго археологическаго общества въ Афинахъ выношенныя медальоны съ ушныхъ подвесокъ изъ Куль-Оба, находить возможнымъ утверждать, что местомъ даже фабрикаціи этихъ медальоновъ должны были быть несомнѣнно Афины: мало того, онъ даже думаетъ, что мы имѣемъ въ нихъ произведенія той школы золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые работали надъ изготовленіемъ хрислевантинной Афины Парвеносъ¹⁾.

Я не знаю, опубликованы ли были г. Кизерицкимъ тѣ изображенія чисто техническаго свойства, которыми онъ общался²⁾ и подтвердить свои утвержденія и которыя, по его словамъ, склонили его къ этому мнѣнію, но, во всякомъ случаѣ, я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы эти изображенія могли имѣть вѣсь, необходимый для поддержанія такого смѣлаго и рѣшительнаго волюшенія.

Издатели „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“, гг. П. Толстой и г. Ковдаковъ не рѣшаются, повидимому, присоединиться къ этому утвержденію г. Кизерицкаго, о стилѣ Куль-обскихъ медальоновъ они и вообще говорятъ очень неопредѣленно³⁾: — по что и они тамъ, гдѣ приходится определять мѣсто, откуда распространялось въ болѣе древнее время исторіи Иллириана греческое въ ней вліяніе, думаютъ прежде всего объ Афинахъ, — это видно изъ особенностей изъ познана ихъ согласія съ мнѣніемъ Стефани по поводу происхожденія рельефа съ Чертомлыцкаго палучья, разборъ коего представленъ ими на 143-й слѣд. стран. ихъ 2-го выпуска.

Передать здѣсь—весьма, впрочемъ, неаккуратно—толкованіе изображеніи на палучья мифологической сцены такъ, какъ оно было предложено г-ад. Стефани, и видъ къ ней, подобно ему, строго законченную композицію греческаго образа, они и въ вопросѣ о стилѣ не прибавили ни одного наблюденія къ тѣмъ, которыя опубликованы были Стефани въ отчетѣ за 1864 годъ. И для нихъ тоже является несомнѣннымъ, что „двѣ орнаменты, какъ то овы, змѣиные язычки, пальметты и цвѣточныя, вьющіяся лозы пышваго, нѣсколько тужелаго (?) поппія, замѣтвованы изъ роскошнаго архитектурнаго стили Юанъ“ (—СВ., стр. 112); манера представленія фигуръ, позъ и драп-

1) Kieseritzky, Mittheil. d. Inst. in Ath. 1. 1. p. 291 fgg.

2) Ibid. S. 314, ann. 1.

3) См. Русскія древности, выд. II, стр. 86.

пировки указывает на чисто греческий, азиатский стиль (сокращенно назъ СР, стр. 142 и 170)с.

Расходятся авторы съ авад. Стефани только въ опредѣленіи времени изготовленія рельефа, да и то, какъется, по недосмотру. Акад. Стефани относитъ работу рельефа къ IV вѣку; гр. Толстой и г. Кондаковъ къ началу III (никакъ не позже), такъ какъ видятъ въ немъ знакомство съ лучшими произведеніями азиатскаго искусства IV вѣка. Авторы не сознавали однако, что въ этомъ заключеніи они хотя и высказали новое положеніе, но положеніе совершенно произвольное, котораго не могъ конечно высказать Стефани потому, что несомнѣнное родство съ азиатскими произведеніями можно замѣтить въ нашемъ рельефѣ только между помѣщенными на верхнемъ его фризѣ съ лѣвой стороны женскими фигурами и таковыми же изображеніями на внутреннемъ фризѣ Парфенона, а это сходство даетъ право заключать о знакомствѣ художника съ произведеніями не IV вѣка, а вока только V-го

Мы не будемъ, впрочемъ, вступать нова въ прерипателство съ потверженными авторами „Русскихъ Древностей“ касательно времени, къ которому съ большею или меньшею вѣроятностью долженъ быть относимъ памятникъ, но мы не можемъ не отмѣтить теперь же, что усвоеніе ими себѣ взглядовъ Стефани на композицію и стиль рельефа именно въ этомъ случаѣ, особенно неудачно и не дѣлаетъ чести ихъ археологической провинциальности.

Какъ очень основательно повозать теперь Fr. Hauser 5) въ изданномъ имъ разборѣ нашего рельефа, о связанной композиціи, о которой помышлялъ Стефани въ своемъ анализѣ его, не можетъ быть здѣсь рѣчи уже потому, что отлѣпывая сцены рельефа находится между собой, повидимому, въ совершенно случайной связи, не изобрѣтены для того пространства, которое должны онѣ восполнить, и работы, следовательно, по готовымъ уже формамъ, первоначально назначенымъ для украшенія совершенно иного предмета. На это, какъ также справедливо замѣчаетъ Hauser, указываетъ и отпаденіе руки у мужчины, занимающаго въ верхнемъ фризѣ 2-е мѣсто справа (иначе эта рука должна была необходимо столкнуться съ лѣвой рукой бѣгущей дѣвушки, принадлежащей къ другой группѣ), указываетъ и совершенно необычное размѣщеніе четырехъ женскихъ фигуръ нашего фриза со взглядами, обращенными на какой-то предметъ, стоящій вѣзбо

5) Fr. Hauser, die non-artischen Reliefs, Stuttgart, 1889, s. 126 fgg. Совершенно справедливо говоритъ онъ о нашемъ рельефѣ и. пр.: Die Figuren sind nicht für den Raum, welchen sie jetzt ausfüllen, erfunden und nicht aus freier Hand getrieben, sondern in Formen gehämmert und dann vielleicht nachgelehrt. Eine ~~pläne~~ ~~unpassenden~~ Ad. Furtwängler, der Goldmund von Vetterstede, S. 47, ann. 3: Die Darstellungen sehen aus wie aus dem Skizzenbuche des Künstlers willkürlich zusammengetragen. Ein Altar war dessen wohl nicht fähig sein.

отъ нихъ и одинаго въ этомъ ряду не изображеныя ⁸⁾, указываетъ наконецъ и совершенно непонятный и не получившій никакого художественнаго завершенія перерывъ въ фризахъ авансовъ и надметокъ, которые размѣщены внизу рельефа.

Исследование цѣлаго ряда металлическихъ изделий показало также, что такое сопоставленіе иногда совершенно не связанныхъ между собой сценахъ не составляетъ какой либо характеристической особенности нашего рельефа, но можетъ считаться частнымъ явленіемъ во всемъ горевикъ дровицхъ. Именно въ этой техникѣ видна возможность иногда даже простому ремесленнику, при помощи известнаго знака штемелей и матрицъ, безъ особенной художественной подготовки, браться за выполнение довольно затѣливыхъ по временамъ украшеній и большихъ композицій, хотя, конечно, именно недостаткомъ художественной выработки и чуть объясняется у этихъ ремесленниковъ склонность соединять вмѣстѣ разнородныя сюжеты, безпокойно выбирать первая попавшіяся формы и вообще восполнять данное для украшенія пространство совершенно произвольнымъ образомъ ⁹⁾.

Если однако подобныя сюжетныя панно рельефа не даютъ намъ, казалось бы, права присоединиться къ мнѣнію покойнаго академика насчетъ художественной законченности композицій въ нашемъ рельефѣ, то еще меньше можно, повидимому, въ настоящее время слѣдовать ему въ опредѣленіи стили находящихся на немъ украшеній.

Какъ мы сейчасъ видѣли въ доказательство истиннаго характера этого стили, в Стефаніи, высказавшійя впрочемъ это мнѣніе мимоходомъ, не мотивировавъ его съ обычной своей обстоятельностью, и его послѣдователи, не отрицая замечанія орнаментовъ изъ Теоніи, приводятъ главнымъ образомъ три аргумента, а именно: манеру представленія фигуръ, позы ихъ и драпировку.

Что касается позы, то, дѣйствительно, въкоторыя изъ нихъ, какъ напр. позы трехъ женщинъ нижняго фриза, необычное положеніе по-

8) Hauser *ibid.* высказываетъ предположеніе, что эта группа должна была въ первоначальной композиціи непосредственно примыкать къ бѣгущей дауней въ верхнемъ фризѣ, предположеніе темъ болѣе вѣроятное, что тогда этия четыре фигуры сидящихъ женщинъ соответствовали бы тоже четыре фигуры, завершающія верхній рядъ сцена. Имѣла ли какое-либо отношеніе къ главнымъ двумъ сценамъ группа двухъ мужчинъ на верхнемъ выступѣ надучья, — это сказать довольно трудно. И у Стефаніи связь съ главными сценами объяснена очень неудовлетворительно.

9) Что такое же примѣръ наблюдается иногда и на рельефныхъ украшенияхъ главнѣйшихъ изделий, показавъ Hauser на разбѣрѣ знаменитой Кувшон сирин Эрмитажа (CR. 1862, табл. 3, см. в Baummeister, Denkmäler I. S. 171): Wie mir Herr Prof. Michaelis mittheilt, прибавляетъ Hauser, sind sogar an der Thonvase die Figuren einzeln aufgesetzt und feineres Detail nur mit ganz dünnem Thon aufgeschlünmt. На заметку вѣдущихъ въ гробницѣ Ю. Россія отдѣльные рельефныя украшенія работаны по частямъ и прикреплены къ вѣнцамъ шпелкетию.

воображеніи юноши, бесѣдующаго съ борющимся мушкетеромъ на правой сторонѣ фриза верхняго, да, пожалуй, и фигура мушкетера, опершагося на палку въ нижнемъ фризѣ, могутъ найти себѣ наилучшую аналогію въ родственныхъ имъ или почти тождественныхъ позахъ нѣкоторыхъ, какъ я сказала, скульптурныхъ украшеній Паросеона. Но что касается обработки тѣла и драпировокъ, то врядъ ли можно представить себѣ что либо болѣе несвойственное аттическимъ образцамъ, чѣмъ нашъ рельефъ.

Уже забѣлившее прорытіе генистайи у всѣхъ безъ исключеній мужскихъ лицахъ, какъ напр. у вѣнчавшаго юноши на верхнемъ фризѣ или у опершагося мужчины на нижнемъ фризѣ, очень слабо мотивированное, придаетъ всему рельефу совершенно несвойственный аттикамъ отблескъ варварской, по ихъ понятіямъ, стыдливости. И въ соответствие съ этимъ идетъ и полное измѣненіе пропорцій человѣческаго тѣла, по сравненію съ аттическимъ пониманіемъ, этихъ пропорцій IV и III вѣка, представленнаго гораздо болѣе полнымъ, мускулистымъ и укороченнымъ, приземистымъ. А что это обстоятельство опять таки является на Мергомлянскомъ рельефѣ не случайнымъ, видно изъ того, что и лицо Аонны на Куль-обервхѣ медальонахъ, составляющее несомнѣнную копію съ лица Аонны Паросеона ¹⁹⁾, сдѣлано, насколько можно судить по отзывамъ и фотографіямъ, гораздо болѣе одушевленнымъ. Вѣдѣніе этой сознательной пошлости, оно даже не представляетъ того отклоненія назадъ въ нижней части лица, по сравненію съ верхней, которое мы видимъ напр. на извѣстной статуэткѣ Варвакіона и которое Данте считаетъ характерной особенностью педонопезекон и вообще материковой пластинки въ эпоху Фидія. ²⁰⁾

И такъ очевидно, что уже въ итемнелыхъ и формахъ, по которымъ работали были эти рельефы, аттическіе по замыслу сюжету— въ обоихъ случаяхъ, какъ мы видели, ведущіе насъ такъ или иначе къ Паросеону, переработаны были въ духъ какихъ-то иныхъ художественныхъ воззрѣній и подъ вліяніемъ иныхъ обычаевъ, нежеланій, которые обыкновенно наблюдаются нами въ Аоннахъ.

Сомнѣній насчетъ мѣста такой переработки въ настоящее время врядъ ли возможны.

¹⁹⁾ Это во всякомъ случаѣ главный и несомнѣнный результатъ работы Кизерицкаго въ отчетѣ нѣмецкаго археологическаго Института въ Аоннахъ и его не должны были игнорировать гг. Толстой и г. Кондаковъ.

²⁰⁾ Топій цѣлитель древняго искусства О. Пауэт (*Études d'archéologie et d'art*, Paris, 1888, p. 210) отмѣчаетъ тотъ же характеръ—un peu gros et lourd—и въ ушной подфескѣ, найденной въ курганѣ большой Визинды, съ изображеніемъ Фетиды, ведущей оружіе Ахиллею (Русск. Древн. I, стр. 57).

Еще въ 1887 году англійскій ученый Greenwell¹¹⁾ анализируя электровыявленные монеты города Кизича и указывая на торговые связи, которые издавна существовали между этимъ городомъ и Паистивансеей — связи, между прочимъ, подтверждаемыя и Демосееномъ,¹²⁾ обращалъ уже вниманіе на ту любовь, съ которою Кизичскіе статеры воспроизводятъ типы монетъ и статуарныхъ изображеній другихъ, иногда далеко отъ Пропонтиды отстоящихъ городовъ Греціи (большинство Кизичскихъ статеровъ имѣютъ типы этого рода)¹³⁾. Что среди нихъ попадаются изображенія и въ некоторыхъ аѳинскихъ памятникѣхъ, это, послѣ изслѣдованій Greenwell'а, не подлежитъ никакому сомнѣнію. И коины съ группы Гармодія и Аристогитона работы художниковъ Критія и Несеота, и коины съ группы Ген. Орхестіа и Кекропса — сразу выдають свое аѳинское происхожденіе:¹⁴⁾ по любви къ тому, что и типъ Аѳины въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ на Куль—обскомъ медальонѣ, не можетъ найти себѣ лучшей аналогіи, какъ въ изображеніи на одномъ Кизичскомъ же статерѣ, снимокъ съ котораго помѣщенъ у Greenwell'а на II табл. подъ № 6.¹⁵⁾ Нацсегъ очень мѣтко указалъ на вполнѣ тождественную и на медальонѣхъ и на статерѣ обработку какъ лица богини, такъ и локоновъ ея волосъ: совершенно върию обратилъ онъ вниманіе и на переводъ здѣсь аѳинскихъ оригиналовъ въ цѣль и первоначально вполнѣ чуждымъ имъ пропорціямъ.

Если однако видимъ образомъ представленіе фигуръ, какъ выражается гр. Толстой и г. Кондаковъ, т. е. прежде всего передача пропорцій человеческого тѣла, вѣдетъ насъ отъ Аѳинъ въ Малюю Азію, то точно также и относительно «представленія драшировки» вполнѣ подходящія аналогіи для нашихъ рельефовъ отыскиваются въ той же

11) См. въ Numismatic Chronicle III Series, vol. VII, 1887, p. 1 sqq. въ статьѣ On the Electron coinage of Cyzicus.

12) Op. c. Phoen., § 23.

13) Greenwell Ibid. p. 33.

14) См. у Greenwell табл. III, и. 28 и II, и. 8—10.

15) Ср. и многочисленныя другія аналогіи у Hausen'а, l. c. 126, прим. 1 и s. 200 (въ Zusätze и. Verhältnissen, гдѣ онъ указываетъ на поразительное сходство между золотымъ кольцомъ въ Antiqu. d. Bosn. Сунит. табл. XVIII, и. 2 и статеромъ у Greenwell'а табл. IV, и. 12). Также сходство между бараньими головами на золотой пластинкѣ въ Кульба (р. Древн. 126 рис. VII, стр. 149) и на другихъ украшеніяхъ Ю. Россіи съ одной стороны и между бараньими головами на электровыявленыхъ вазѣхъ Кизича съ другой — повѣдалъ Ad. Furtwängler, der Goldfund v. Vetterstefelde, 13. Programm zum Winkelmannsfeste der arch. Ges. zu Berlin 1883, s. 29. Равнуду аттическаго стиля удѣбно всего воистъ имъ сравненія съ небольшими золотыми вещами, находимыми вѣрѣмъ въ Аоніяхъ. Золотыя вещи, впрочемъ, аттическаго происхожденія очень рѣдки, ибо Аоніи болѣе богаты серебромъ. Обращаясь однако вниманіе на изображеніе Музы, относящееся къ лучшей эпохѣ, снимокъ съ котораго помѣщенъ E. Oberdanъ въ Mittheilungen d. deutsch. Archäolog. Instit. in Athen 1879 (I Jahrgang, 1. Heft, S. 39).

дѣйствию, а именно въ недавно опубликованныхъ проф. Бенндорфомъ рельефахъ изъ Ликии, извѣстныхъ, по мѣсту находки, подъ именемъ рельефовъ Gjölbascii. И эти рельефы ¹⁶⁾ тоже въ этомъ отношеніи отступаютъ отъ мотивовъ не разъ служившихъ намъ образцами рельефовъ эоинскаго Фессалона и храма въ Фигалии. И на рельефахъ Gjölbascii точно такъ же, какъ и на нашихъ рельефахъ мы имѣемъ дѣло со столь же приземистыми, коренастыми и немного пухлыми фигурами; и на нихъ мы имѣемъ тѣ же стыдливые приемы въ расположеніи драпировки, которые указываютъ или на особую манеру художественной техники, или на своеобразныя воззрѣнія на красоту. быть можетъ и на привычку чаще изображать тѣло, покрытое одеждой, нежели откровенно обнаженное.

Эти наблюденія и аналогіи однако, не смотря на весь свой археологическій интересъ, могли бы считаться въ значительной мѣрѣ случайными, не имѣи мы возможности привести ихъ въ настоящее время въ связь съ общимъ ходомъ развитія древне-греческой пластики или, иными словами, не имѣи мы теперь права утверждать, что особенности, наблюдаемыя нами въ столь различныхъ по мѣсту нахождения памятникахъ, дѣйствительно являются принадлежностью извѣстнаго направленія въ искусствѣ, исключительно свойственнаго определенной мѣстности и являющагося послѣдствіемъ извѣстныхъ культурныхъ особенностей.

Думаю, что и для такого утвержденія мы въ настоящее время располагаемъ уже достаточно полнымъ матеріаломъ.

Малозаіатекія, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ іоническія поселенія Грековъ въ 5 вѣкѣ были весьма вліятельнымъ центромъ, откуда расходились по различнымъ мѣстностямъ Европейскаго материка весьма оригинальныя созданія литературнаго творчества; расходились и весьма разнообразныя направленія спекулятивной мысли и научнаго изслѣдованія ¹⁷⁾. Малозаіатекское искусство, во многихъ отношеніяхъ проложившее первые пути для ремесленной и художественной дѣятельности Эллинской, точно также не остановилось на первыхъ начаткахъ, но представляется намъ и въ эту эпоху съ весьма оригинальными чертами, понять и оценить которыя до сихъ поръ мѣшало главнымъ образомъ предвзятое убѣжденіе въ полной оригинальности искусства аттическаго. Наблюдая однако памятники этого малозаіатекскаго искусства въ Іоніи, на островахъ и на эракійскомъ побережьи: ибо тамъшнее искусство,

¹⁶⁾ Мѣст. они извѣстны по соч. Lucy Mitchell. A history of ancient sculpture p. 415 et 417. Большаго изданія этихъ памятниковъ, издавнаго Бенндорфомъ, у меня подъ руками не было.

¹⁷⁾ О важномъ значеніи Іоніи, какъ центра культурной дѣятельности, и объ отношеніи къ ней эракійскаго побережья см. теперь Hahn, Griechische Geschichte, II, S. 520 fgg.

равно какъ и наука является лишь слѣдствіемъ видоизмѣненнымъ отпрыскомъ искусства и науки Юнговъ—мы имѣемъ теперь уже не мало данныхъ для его пониманія.

Основной характеръ его, довольно однообразно выступающій во веѣхъ этихъ мѣстностяхъ, несмотря на нѣкоторыя частности въ отдѣлкѣ, заключается прежде всего въ извѣстной реальности представленій, въ довольно грубой подчасъ наивности (увязываютъ напр. на вышедшія отсюда изображенія курносыхъ силеновъ) и въ весьма высокой фантазій. „Неходитъ однако это искусство, какъ говорить новѣйшіи его изслѣдователи. Ад. Фуртвэнглеръ¹⁸⁾, съ его полными, широкими формами, всегда отъ вѣшняго образа: оно не углубляется въ изслѣдованіе законовъ, уравнивающихъ строеніемъ животнаго организма, оно ограничивается лишь вѣшнымъ его проявленіемъ, передавая это послѣднее съ большою энергіей и выразительностью, живо и правдиво, но относясь къ нему часто и очень поверхностно и безъ должной мотивировки“. Изъ этого основнаго его свойства объясняются затѣмъ и особенности его въ моделировкѣ гѣлы, въ которомъ оно обращаетъ болѣе вниманія на мускулы части, нежели на кости, и на одѣтыя гѣлы болѣе, чѣмъ на нагія: отсюда же идетъ пристрастіе къ живописи и декоративной скульптурѣ тѣмъ болѣе, что въ нихъ находятъ себѣ особенно удобное мѣсто и фантастическіе образы, усвоенные здѣшними Греками изъ искусства восточнаго, и та реалистическая жилка, которая всегда была присуща вѣмъ созданіямъ Малой Азіи.

Здѣсь не мѣсто, конечно, говорить о томъ, какъ разнообразно вліяло образное искусство Юнговъ на искусство другихъ племенъ Греціи и какъ видоизмѣнялось оно само, то скрещиваясь, то идя параллельно съ другими, встрѣчаемыми имъ на пути своего распространенія теченіями: не мѣсто впрочемъ и о томъ, какъ сильно и плодотворно подвѣствовало оно, при посредствѣ знаменитаго Полигнота, на развитіе школы аттической: но мы не можемъ не обратить вниманія на то, какъ живуче было это искусство и какъ упорно держалось оно разъ усвоеннаго направленія, не смотря на инвазирующее значеніе Атиковъ и перенесшихъ въ Малую Азію греческую культуру Македонцевъ¹⁹⁾. Вездѣ, гдѣ ни работаютъ въ Малой Азіи,—какъ то часто

¹⁸⁾ Ad. Furtwängler, Preussische Jahrbücher 1883 (vol. LI, S. 378). Ср. етоже замѣчаніе въ Mittheilungen des deutschen arch. Inst. in Athen за 1881 г. (Bd. VI, Heft 2, S. 121), гдѣ онъ старается понять и объяснить это направленіе. Нельзя не замѣтить однако, что вернымъ, кто далъ толчокъ этимъ наблюденіямъ, былъ все-таки Н. Витт, сумѣвшій мастерски выдѣлить особенности сѣвернаго направленія,—сеставляющаго, какъ мы сказали, только особую отрасль Юническаго искусства, въ стилѣ скульптурныхъ украшеній Олимпійскаго храма.

¹⁹⁾ Ср. теперь замѣчаніе Brückner'a въ Calvary's Berliner Philolog. Wochenchrift 1890, XV 1 и 2 (S. 59).

бывало въ позднѣйшее время,—художники изъ другихъ мѣстностей Элады, мы сейчасъ же видимъ несомнѣныя слѣды его проявленія. Замѣчательны въ кизикскихъ статуахъ и въ скульптурахъ Gjövaschi особенности являютя вовсе не одиночными. Мы встречаемъ съ тѣми же чертами и въ некоторыхъ частяхъ памятника Перендъ въ Анки, и въ Эфесѣ²⁰⁾, и въ особенно повліявшемъ на позднѣйшихъ художниковъ фризѣ Телеса въ Пергамѣ, наконецъ и въ некоторыхъ металлическихъ издѣліяхъ (Фрури²¹⁾), въ значительной степени составныхъ подъ влияніемъ іоническимъ.

Все ведетъ насъ, следовательно, къ заключенію, что замѣчаемыя и въ нашихъ рельефахъ особенности обязаны своимъ происхожденіемъ не случайному обстоятельству, а указываютъ на ту же мѣстность, на которую, по мнѣнію Стефани, указываетъ какъ стиль ихъ орнаментовъ, такъ, прибавимъ мы, и ихъ зѣбрныя фризы. Вмѣсто того, чтобы давать намъ право выдѣлять эти рельефы въ особую, какъ сказать, аттическую группу, эти особенности напротивъ только ближе родятъ ихъ съ другими произведеніями металлической пластики, находимыми въ монументахъ Ю. Россіи, грифоны которыхъ²²⁾, реальные образы варваровъ²³⁾, геральдическіи характеръ некоторыхъ мотивовъ и орнаментации уже давно заставляли помышлять о заимствованіяхъ именно изъ Малой Азіи²⁴⁾. И точно такъ же, какъ находимы въ Ю.

²⁰⁾ См. Murray, History of greek sculpture vol. II, p. 208 and 208.

²¹⁾ Ad. Furtwängler, Roscher's Lexikon der Mythol. s. 2221. Ein zw. Der Goldfund v. Vetterstelle S. 21.

²²⁾ Все исследование г-да Стефани о грифонахъ (CR, 1861, p. 50—140) ведетъ къ заключенію объ исключительно почти малоазійскомъ происхожденіи этого образа. Замѣтимъ, что первое, хорошо заведомо установленное произведеніе, на которомъ извѣстно были этотъ фантастическій антроп. образъ, принадлежало Самосцамъ, Herod. IV, 152: *οὗ δὲ Σάμοσι πρῶτον ἐπέστησαν ἑκείνου, ἐκ τούτου, παύρηντι ἡδὲ καὶ ἐκείνου* Ἀργείων προσηλ. ἀφ' ἧς ἡ αὐτῶν ἡρώων ἡρώων προήρσαν εἶναι.

²³⁾ H. Wimmer, die Barbaren in der antiken Kunst (Vom Fels zum Meer 1884, s. 610).

²⁴⁾ Такъ какъ Ad. Furtwängler, der Goldfund von Vetterfelde 1883 s. 45 и 47, гдѣ собраны наилучшіе образцы вѣд. доказательства малоазійскаго вліянія на разныя памятники эаитенныя въ монументахъ Ю. Россіи: Wenn man sich gewöhnt hat, überhaupt nur bei den südrußischen Arbeiten nur von attischem Einfluss oder gar direct attischer Kunst zu sprechen, so kann ich dies nur aus einer einseitigen Voreingenommenheit erklären. Фуртвэнглер, конечно, имѣлъ въ виду этихъ вѣдѣній въ самыхъ іоническихъ колоннахъ Пафлиашии, которое, по его мнѣнію, только мнѣшлось названъ, принесенныя изъ М. Азіи. Для греческихъ вещей это предположеніе, конечно, не можетъ быть оправдано: но единственныя работъ въ Биланду и условіе позднѣйшихъ приемовъ малоазійскаго искусства, даже полное подчиненіе ему и въ работахъ Ульва, тоже заставляють помышлять о ввозѣ изъ чужой мѣстности. Если одною мѣ. будемъ даже помышлять о туземной школѣ торевровъ, то и тогда условіе собоі этой школы, приемовъ малоазійскаго мастеровъ и ихъ усовершенствованной техники, въ многихъ отношеніяхъ составивъ къ аттической мнѣрѣ въ совершенномъ противорѣчіи, то вѣрно бы о непрекращающаея связи ихъ съ Малой Азіей, что въ существѣ очевидно такъ тому же.

России произведенія древней керамики даютъ намъ важное доказательство, говоря словами акад. Стефани ²³⁾, „могучаго вліянія на здвигнїи мѣстности аоніекаго духа и искусства“, такъ точно и найденныя здѣсь до сихъ поръ металлическія издѣлія служатъ для насъ не менѣе важными свидѣтельствами вліянія мало-азійскаго.

Позволю себѣ думать однако, что этимъ заключеніемъ не исчерпывается интересъ, который представляется изученіемъ нашихъ рельефовъ.

Дѣло въ томъ, что въ длинномъ рядѣ памятниковъ металлической техники, которые были найдены въ Южной Россіи, эти сравнительно древніе рельефы одинъ, какъ кажется, допускаютъ и довольно правдоподобное датированіе. Думать объ ихъ изготовленіи ранѣе послѣдней четверти V вѣка представляютъ встрѣчающіеся въ этихъ рельефахъ мотивы аоніекаго Нарсеона. Думать съ времени послѣ вѣка IV не дозволяетъ слѣдующее соображеніе.

Мы видѣли уже, что цѣлый рядъ особенностей, которая представляетъ стиль этихъ рельефовъ, ведутъ насъ къ Кизикъ, съ статерами которыхъ ближе всего роднитъ ихъ и пристрастіе къ аттическимъ сюжетамъ ²⁴⁾, и переработка этихъ послѣднихъ въ новыя пропорціи и, замѣтимъ наконецъ, самое свойство находимаго здѣсь золота, смѣшаннаго съ серебромъ, тоже указывающее на Кизикъ ²⁵⁾. Такъ какъ однако Кизикскіе статеры перестали чеканиться или около 360 года, какъ думаетъ Greenwell ²⁶⁾, или около 336, какъ думаетъ Lepoint ²⁷⁾ т. е. около того времени, когда ихъ вытѣснили съ рынковъ изготовляемые изъ болѣе чистаго золота Македонскіе статеры Филиппа, то, значитъ, позднѣйшей эпохой изготовленія и матрицы, по которымъ выполнены были родственныя имъ по типамъ и стилю украшенія Чертомлыцкаго валуна и Куль-обскіихъ медальоновъ, долженъ считаться, какъ то и думаетъ акад. Стефани, IV вѣкъ, или, что тоже возможно, рубежъ V и IV вѣковъ.

²³⁾ См. выше примѣч. 3. Брѣжъ вазъ, впрочемъ, за аоніеки издѣлія надо принимать и великолѣпные рисунки на слоновой кости и деревѣ.

²⁴⁾ Интересъ къ аоніекиимъ памятникамъ искусства въ Кизикѣ надо, конечно, объяснять делопроизводеніемъ Аоніи въ Пропонтидѣ. См. въ этомъ отношеніи замѣчанія Merdmann'a въ Mittheil. d. deutsch. arch. Institut. in Athen за 1882 годъ (Band. VII, Heft 3, S. 251: Zur Epigraphik des Kyzikos), гдѣ говорится, между прочимъ, и о вліяніи аоніекой религіи на культуру Кизика.

²⁵⁾ Кизикъ дѣлалъ свои статеры, такъ называемые *Kozlikli*, или особаго сплава золота съ серебромъ, такъ называемаго *ασιδροσιστοσ* электромъ. Получаемое изъ Уральскихъ горъ черезъ Пантикапейское золото было однако чистѣе, чѣмъ электрумъ.

²⁶⁾ См. Greenwell I. I. s. 34.

²⁷⁾ Статья Lepoint'a помѣщена въ Dictionnaire des antiquités par Darceberg et Saglio s. v. Kyzikos.

Намъ могутъ, конечно, возразить, что существованіе готовыхъ формъ предполагаетъ возможность пользованія ими и въ болѣе позднее время. Точно такъ же, какъ и статуи Кизика находились въ обращеніи гораздо позже того времени, когда кончилось ихъ изготовленіе, такъ точно и разъ изготовленные формы могли употребиться въ дѣло въ сравнительно болѣе позднюю эпоху.

Считаю однако нужнымъ замѣтить, что противъ такого предположенія говоритъ одно, по моему мнѣнію, весьма важное обстоятельство археологическаго свойства.

Какъ легко убѣдиться, взглянувъ на рельефы Чертомлыцкаго горита, зоропы на немъ, почти одинаковой высоты, расположены одинъ надъ другимъ не только въ известной симметріи, но и такъ, что въ угоду этому расположенію работавшій художникъ пожертвовалъ даже цѣльностью группъ, отдѣльныя части которыхъ разорваны и разбѣшены въ двухъ различныхъ мѣстахъ. И здѣсь, конечно, мы могли бы помышлять о случайной небрежности не художника, но работавшаго по готовымъ образцамъ ремесленника, еслибы мы не знали, что именно такое расположеніе фризозъ, и вообще болѣе свойственное древней техники, является излюбленной принадлежностью какъ живописи, такъ и идущей рука объ руку съ ней декоративной пластики Юній, какъ разъ на различныхъ памятникахъ IV вѣка нашей намъ наиболѣе аналогичные образцы такой манеры расположенія ³⁰⁾.

Очевидно, мы имѣемъ и здѣсь дѣло съ художественнымъ приѣмомъ, обусловленнымъ или издавна укоренившимся въ известной мѣстности привычками или господствовавшей въ известное время модой ³¹⁾, настоятельно требовавшей подчиненія общепринятымъ тогда образцамъ.

Прибавлю притомъ, что это же обстоятельство, помимо выбора для изображенія чисто греческаго сюжета, ничего общаго съ Скиѣей не имѣющаго ³²⁾, говоритъ и въ пользу того, что могъ быть работанъ этотъ рельефъ только греческимъ художникомъ, воспитаннымъ въ известныхъ художественныхъ традиціяхъ, ради которыхъ онъ жертвовалъ даже цѣльностью композицій. Пою работанъ этотъ рельефъ мѣстный

³⁰⁾ См. подробности въ этомъ отношеніи наблюденья, сопоставленія теперь лучше всего у Murray, History of greek sculpture vol. II, p. 294 съ литературными указаніями въ прим. 3. Какъ замѣтилъ Brückner въ своей рецензіи соч. Hausser'a (Berl. phil. Wochenschr. S. 58), интересъ къ копированію художественныхъ произведеній творческой эпохи начинается у грековъ тоже съ IV в.

³¹⁾ См. въ этомъ отношеніи превосходныя замѣтки у O. Jahn, die Alte Kunst und die Mode, въ собраніи его статей подъ заглавіемъ: Aus der Alterthumswissenschaft: populäre Aufsätze, особенно на стр. 232 слѣд.

³²⁾ Подлинное сюжетъ у Стефана страдаетъ многими неясностями; отношеніе его къ Скиѣей, даже предпологая, что въ общихъ чертахъ сцена изображена правильно, ничто бѣлыми нитями.

художникъ болѣе поздняго времени, незнакомый съ этой манерой малоазійскаго искусства IV-го вѣка, онъ, безъ сомнѣнн, выбралъ бы изъ запаса имѣвшихся у него подъ рукой формъ такіа, которыя бы болѣе соответствовали пространству, которое ему слѣдовало восполнить своими украшениями.

Вотъ именно эти соображенія, если за ними будетъ признана правѣтная доля вѣроятности, должны, мнѣ кажется, придать и значительный историческій интересъ нашимъ рельефамъ, такъ какъ, само собою разумѣется, фактъ изготовленія малоазійскимъ греческимъ художникомъ IV вѣка именно свѣтославо палуча можетъ послужить немаловажнымъ свидѣтельствомъ въ пользу живыхъ сношеній обѣихъ мѣстностей уже въ *греческій* періодъ исторіи Пантшанен.

Считаю также нужнымъ замѣтить, что въ настоящее время, благодаря неожиданной находкѣ въ одномъ мѣстечкѣ въ Германіи, *Wettersfelde*, града, занесеннаго туда, какъ предполагаютъ, изъ Скандіи, мы имѣемъ въ рукахъ несомнѣнное доказательство влѣянія малоазійскаго въ Ю. Россію и дѣя болѣе древняго періода этой исторіи.

И, впрочемъ, встрѣчаю такъ мало указаній въ русской литературѣ на знакомство съ этимъ послѣднимъ вѣдомъ, что Считаю нужнымъ хотя вкратцѣ сообщить въкотоія о немъ свѣдѣнія. *Wettersfelde*—деревушка, расположенная по рѣкѣ Ненесе, въ той части Лужиць, которая теперь принадлежитъ къ провинціи Бранденбургъ. Не далеко отъ нея, въ помѣстьѣ вѣсого г. Лаушкѣ, найденъ былъ въ 1882 году кладъ съ золотыми вещами, которыя, благодаря содѣйствию принца Королята, поступили въ Берлинскій Музей. По показанію нашедшаго этотъ кладъ владѣльца, золотыя вещи града были окружены многочисленными черепками глинянаго сосуда. Это дало поводъ думать, что первоначально онъ сохранился въ какомъ нибудь горнѣ, но составлялъ ли онъ часть утвари, сложившей въ гробницѣ, или же принадлежалъ къ остаткамъ бывшаго здѣсь вѣкогда поселенія, это, за недостаточнымъ обследованіемъ связанной мѣстности, до сихъ поръ, какъ кажется, осталось неизвѣстнымъ.

Вопросъ о происхожденіи золотыхъ вещей этого града, состоящихъ изъ пластинокъ съ рельефными украшениями, — онъ тоже, повидному, служилъ для отдыши вѣлчій и пошеій на груди, — изъ ожерелій, браслета, ушныхъ подвесокъ и т. п. вещей, — породилъ весьма много споровъ среди изслѣдовавшихъ его ученыхъ. Вещи считали и эрусскими, и римскими провинціальными издѣльями; помышляли и о сѣверно-варварскомъ происхожденіи ихъ, о византійскомъ, даже сассанидскомъ... Изслѣдованіе Ад. Фуртвальдера, помѣщенное въ программѣ вѣменнаго археологическаго Общества по поводу ежегоднаго преденія въ честь Вилхельма 1883 года, рѣшительно устраи-

нило эти предположения. Основываясь на тщательномъ сравненіи найденныхъ въ Vetterstefle памятниковъ съ древностями Ю. Россіи, на особенностяхъ золота и характерной формѣ спиральныхъ поземь, онъ доказалъ, что занесены эти предметы въ Германію могли быть только изъ Ю. Россіи и что 1) мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто греческою работою и что 2) судя по стилю, изображенные на этихъ золотыхъ вещахъ рельефы можно приводить въ связь только съ тѣми же издѣліями малоазійскаго искусства, и опять таки преимущественно Кизика, вліяніе которыхъ на рельефы Чертомлыцкаго и Куль-обскаго кургана стараются показать и предшествоующія разсужденія.

Разнятся эти вещи отъ всего почти, что найдено въ Ю. Россіи, только своею болышею древностью: довольно близкую аналогію съ ними представляетъ только золотая (электровая) выбитая пластина въ видѣ фантастическаго одея ^{32a}), покрытаго небольшоими фигурами другихъ звѣрей, которая найдена была подъ поломъ Куль-обскаго склепа, въ могилѣ, уже прежде ограбленной и, по предположенію Фуртвэнгера, относящейся къ болѣе древней эпохѣ, нежели главные усыпальницы Куль-Оба. И этотъ одея, такъ же какъ и рельефы Vetterstefle, при значительномъ сходствѣ стилистическихъ особенностей, обращаетъ на себя вниманіе своею древностью. За это говоритъ отсутствіе на золотыхъ вещахъ Vetterstefle въ некоторыхъ орнаментахъ, свойственныхъ позднѣйшей эпохѣ іоническаго стиля (напр. пальметовъ), строго архитектурн. типъ лица, изображеннаго на одной изъ найденныхъ здѣсь пластинокъ морскаго демона, архитектурная грива представленныхъ здѣсь львовъ, полное отсутствіе элементовъ аттическихъ или коринфскихъ вазъ и съ другой стороны близость къ такъ называемой іонійско-халкидеской группѣ этихъ послѣднихъ, наконецъ и мотивъ украшеній большаго звѣря фигурами небольшоихъ животныхъ, одинъ изъ древнѣйшихъ мотивовъ фригійскаго искусства. И если принять все эти обстоятельства въ соображеніе, то противъ предположенія Фуртвэнгера объ происхожденіи этихъ украшеній изъ VI вѣка врядъ ли можно представить какое-либо серьезное возраженіе.

И не знаю, можетъ ли встрѣтить такое же единодушное согласіе его предположенія о происхожденіи большинства вещей Куль-обскаго кургана изъ V вѣка. Онъ самъ, напр., считаетъ Куль-обскіе медальоны съ головой Панды ближе къ IV, нежели къ V вѣку. Но если, дѣйствительно, можно будетъ согласиться съ нимъ въ томъ, что въ такихъ большахъ и богатыхъ могильникахъ, какъ Куль-обскій курганъ, сохраняемые въ нихъ предметы могли накопиться въ теченіе цѣлыхъ

^{32a} Къ этому заключенію, между прочимъ, помимо стили рельефа, ведетъ архитектурная форма алфав. въ сохранившейся на одеѣ монограммѣ ПМ.

десятилетия и что, следовательно, въ нихъ могутъ находиться вещи и разнаго времени, то въ такомъ случаѣ нельзя будетъ не признать, что во всѣхъ этихъ общихъ по стилю металлическихъ издѣлій мы находимъ почти непрерывный рядъ свидѣтельствъ въ пользу вліянія Малой Азіи въ Пафликаней или тѣсныхъ связей между обѣими мѣстопосѣдами и въ VI, и въ V, и въ IV вѣкѣ.

Конечно, къ этому выводу о господствѣ здѣсь малоазіатскаго вліянія должно было бы прійти и на основаніи апріорныхъ соображеній, такъ какъ трудно предположить, чтобы малоазіатскіе Греки, большіе мастера по части пропагандированія своихъ издѣлій, а вмѣстѣ съ ними и своихъ вѣрованій и обычаевъ, давнишніе притомъ гости на сѣв. побережьи Чернаго моря ³³⁾, могли когда-либо прекратить свои связи съ основанными ими здѣсь колоніями, хотя бы потому, что отсюда, по всей вѣроятности, получали они довольно выгоднымъ образомъ и свое золото ³⁴⁾. И настаиваю на важности новаго, добытаго такимъ образомъ, подтвержденія этихъ сношеній только потому, что въ новѣйшее время, какъ я сказалъ, на нихъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія, и что стремленіе русскихъ археологовъ восходить при опредѣленіи мѣста вывоза промышленныхъ издѣлій прямо къ Аѳинамъ заставляетъ ихъ несправедливо распространять сферу аттическаго вліянія и на другія области духовной жизни Южно-русскихъ поселеній ³⁵⁾.

Не могу не указать, напр., къ какому недоумѣнію въ этомъ отношеніи можетъ подать поводъ хотя бы цитованное нами выше и рассчитанное на широкое распространеніе изданіе гг. Толстаго и г. Кондакова.

Авторы, конечно, признаютъ, что большинство предметовъ художественной промышленности, какъ то ткани, золотыя и серебряныя вещи и украшенія, различныя бездѣлушки, глиняную расписную посуду и терракотовыя статуэтки въ Босфорѣ „привозили“ (стр. 11) и, судя по связи, въ которой это предложеніе стоитъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ замѣчаніемъ авторовъ, привозили именно Греки; но былъ ли главнымъ мѣстомъ вывоза *всѣхъ* этихъ вещей въ такъ называемый ими греческій періодъ исторіи Пафликаней городъ Аѳины, по поводу керамики котораго очень много говорятъ и наши авторы, или

³³⁾ В. В. Латышевъ: Исследования объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвии, стр. II.

³⁴⁾ Greenwell I. I. p. 20 о выдѣлой дѣлѣ золота въ Пафликаней. Сн. Lepsius уже давно указалъ на это въ Revue Num. vol XX, p. 29. Ср. и замѣтку Percy Gardner'a по поводу статьи Greenwell'a въ томъ-же томѣ Num. Chronicle, p. 190. О Греческихъ статерахъ изъ Ольвии см. у Латышева, указ. соч., стр. 48.

³⁵⁾ См. напр. А. В. Орбанидзе, Босфоръ Гиммерійскій въ эпоху Стратонидовъ по надписямъ и церковнымъ монетамъ, Москва 1884.

же различные роды этихъ вещей поступали сюда и изъ фабрикъ другихъ мѣстностей Греціи.—объ этомъ и въ нихъ трудъ говорится очень глухо. А такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится говорить о стилѣ предметовъ, находящихся въ Ю. Россіи, они даютъ показанія крайне неопредѣленные и неточныя, то читатель остается на этотъ счетъ въ полномъ невѣдѣніи.

Одинъ разъ (стр. 6), правда, авторы рываются коснуться и вліянія Малой Азіи и даже называютъ его „сильнымъ“, но такъ какъ въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ исключительно о политической исторіи страны, то можно думать, что политическое вліяніе только и имѣется ими въ виду. И это тѣмъ болѣе, что таковое вліяніе въ данномъ мѣстѣ авторы выразительно ограничиваютъ только *вторымъ* періодомъ въ исторіи Босфора, т. е. насколько можно понять изъ довольно неясной редакціи этого мѣста, періодомъ Понтийскимъ ^{35 а)}.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что, по самому свойству дошедшихъ до насъ литературныхъ свидѣтельствъ по поводу греческой эпохи южно-русскихъ колоній, объ аѳонскомъ на нихъ вліяніи мы должны слышать гораздо болѣе; но что весьма живыя сношенія и значительное вліяніе должно было быть здѣсь и со стороны Малой Азіи, за это ручается уже самое географическое положеніе этихъ колоній. Да и неужели же такъ таки и не осталось въ нихъ никакихъ слѣдовъ малоазійской культуры, которые бы давали намъ возможность утверждать ^{35 б)}, что вліяніе это было по крайней мѣрѣ равносильно аѳонскому?

^{35а)} Такъ же говорить и г. Стасовъ въ СР. за 1872, стр. 327, хотя, насколько можно судить по 325 стр., Стасовъ аѳонское противопоставляетъ греческому вообще, и строго различія между различными поселеніями грек. не дѣлаетъ.

^{35б)} По поводу исключительнаго показанія археологическихъ памятниковъ, не лишнимъ считаю напомнить одно любопытное наблюденіе.

Какъ извѣстно, памятниковъ товарнаго дѣла, разнородныхъ архивескими рисунками, почти не встрѣчается въ Ю. Россіи. Единственнымъ исключеніемъ является только оѳонская, найденная въ 1870 г. около Керчи въ троиникъ на такъ называемой Темир-Горѣ. Издатели „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“ не **рѣшаются признать ее** за подлинное проявленіе архивеского искусства; но въ слѣдствіе она относится къ **гораздо** позднѣшему времени, когда въ Босфорскомъ царствѣ, съ вѣдѣніемъ греческой культуры, возобладала въ полуварварскомъ обществѣ восточная вкусъ. Но О. Раухъ, имѣвшій случай внимательно изучить ее, не сомнѣвается въ томъ, что она вполне тождественна съ вазами милосепции, издѣліями Кюнде, и нѣкоторыми блюдами, найденными въ Кизирскѣ, на островѣ Родосѣ, г. Занданскомъ, такъ что, по его мнѣнію, нѣтъ никакого повода подозревать ея принадлежность тѣмъ **поселеніямъ**, которые впервые принесли въ Ю. Россію греческую цивилизацію. Такъ или иначе однако, о равномъ вліяніи Аѳонъ, эта вещь не говоритъ намъ ни слова.

У и первая половина IV вѣка представлены этой группой памятниковъ тоже въ очень небольшомъ количествѣ довольно сомнительныхъ произведеній, и самое значительное число сосудовъ Берлепской коллекціи безспорно относится къ эпохѣ между 350-250 годами до Р. Х., т. е. эпохѣ наибольше

Я вполне присоединяюсь къ справедливымъ замѣчаніямъ В. В. Латышева ³⁶⁾, который говоритъ, что отъ изученія политическихъ учрежденій здѣшнихъ городовъ трудно ожидать какихъ либо новыхъ на этотъ счетъ указаній, ибо 1) конституціи юрическихъ поселеній и въ особенности Милета въ различные періоды ихъ исторіи намъ известны крайне недостаточно; а 2) потому, что политическая жизнь каждой колоніи въ отдѣльности должна была складываться подъ вліяніемъ особыхъ условій и весьма разнообразныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ сравнительное изученіе ихъ весьма затруднительнымъ. Но я никакъ не могу согласиться, чтобы, напр., для исторіи босфорскихъ культовъ мы должны были прибѣгать къ допущенію какихъ либо иныхъ вліяній, кроме малоазіатскихъ. Сколько бы ни было сдѣлано замѣтowanій здѣшними греками изъ вѣрованій мѣстныхъ племенъ, большинство босфорскихъ культовъ, которые перечислены авторами „Русскихъ Древностей въ памятникахъ искусства“ на 8 и 9 стр. 1-го выпуска, ясно выдаютъ свое малоазіатское происхожденіе. А между тѣмъ, въ угоду предвзятой теоріи, авторы означеннаго труда даже въ этомъ отношеніи сочили возможнымъ приписать Малой Азіи самую незначительную долю вліянія, и допустить замѣтowanіе отсюда нѣкоторыхъ культовъ, они исключили изъ числа таковыхъ даже культъ Кибелы, хорошо засвидѣтельствованный въ Пантикапеевѣ, и культъ Афродиты Анагурійской, несмотря на то, что Кизическое происхожденіе ³⁷⁾ пер-

развивавшейся ея ипостаси Афинъ съ Босфоромъ, когда ввѣстать въ эту послѣднюю мѣстность, особенно массами таинный продуктъ Афинской промышленности, афинская глиняная вѣдла (*στρωτήρ κίβητος*).

Очевидно, афинское вліяніе, какъ трансформировавшееся фактомъ, ограничено было въ этихъ мѣстностяхъ только вѣстными, строго определенными періодами времени, а следовательно уже на этомъ основаніи поминать объ этомъ вліяніи при определеніи происхожденія вещей въ остальномъ древняго періода мы можемъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дречной ногой Афиняне стали въ Черноморскихъ колоніяхъ только въ сравнительно позднее время, въ концѣ IV вѣка, когда и вывели изъ здѣшнихъ рынковъ своими надѣлами. Въ V и началѣ IV вѣка они должны были, по всей вѣроятности, отвозить себѣ эти рынки, хотя и являясь путемъ, у Мало-Азіатскихъ грековъ. Но вѣроятно должны были отвезать ихъ отъ этого завоеванія Пелопонезской войной и послѣдовавшее за ней паденіе государства, на это, кажется, должнаго вниманія, обыкновенно не обращается. Лучше другихъ говоритъ O. Rayet, Etudes etc. p. 201. Крайне обильныя показанія гр. Толстого и г. Ковалева по исторіи афинской керамики на Босфорѣ (Русск. Древн. I, стр. 66-81) не имѣютъ никакой цѣны.

³⁶⁾ Латышевъ, указ. соч., стр. 216.

³⁷⁾ Ср. разсказъ объ Авахаренскѣ у Herod. IV, 76, 5. Для исторіи культа Кибелы Пантикапейской въ остальномъ древней литературѣ упоминаютъ прѣкрасно изслѣдователі: J. Marquardt'a, Cyzicus u. s. Gebiet, 1836, S. 95 figg. Изъ новыхъ изслѣдованій по культу Кибелы см. замѣтки Lolling'a въ Mittheil. d. d. Inst. in Athen 1882 (Band VII, 2 Heft, S. 151 figg.). Объ Афинскомъ Μίσηρ Ἐπιβ. и ея отношеніи отъ Малоазіатской Кибелы см. разсказъ думле всего у C. Wachsmuth, die Stadt Athen im Alterthum, S. 329.

вой и ионическое происхождение ³⁸⁾ второй столь же можно поддѣлать сомнѣнію, какъ и происхождение почитавшейся въ Босфорѣ, между прочимъ, Фесской Артемиды.

Изворотыя данныя языка и наметники монументальнаго искусства точно также ведутъ насъ къ Малой Азіи.

Ветрѣча, напр., ионической формы ΔΘΙΧΛΗΠΙ на одномъ покровѣ, (παρὰπείρασιν) изъ Семьобратнаго кургана, изданномъ Стефани въ CR. 1878, р. 123 ионическая подпись ΕΡΜΕΩ на серебряной чашѣ изъ Куль-Оба ³⁹⁾ — уже давно должны были указать на ионическое происхождение этихъ надѣій.

Одно изъ общацій, которыми такъ богата статья о Куль-обинскихъ медальонахъ г. Кизерицкаго ⁴⁰⁾, даетъ намъ право ожидать отъ этого ученаго особеннаго изслѣдованія о древнѣйшихъ монументальныхъ Ю. Россіи. Мы знаемъ однако, что аналогіи для этого рода вещественныхъ наметниковъ, по его мнѣнію, надо прежде всего искать именно въ Малой Азіи.

Позволимъ же себѣ надѣяться, что соображенія, высказанныя нами по поводу рассмотрѣнныхъ греческихъ рельефовъ, не будутъ сочтены въ этомъ смыслѣ произвольными и что поддерживаемое нами вліяніе Малой Азіи на Босфоръ въ греческій періодъ его исторіи будетъ признано заслуживающимъ иьзвѣстнаго вниманія при изученіи и тѣхъ многочисленныхъ наметниковъ греческой культуры въ Ю. Россіи, которые еще ждутъ своихъ изслѣдователей.

³⁸⁾ Очень характерно то обстоятельство, что для объясненія названія этой Афродиты надписи Русск. Дрвн. не могли дужнымъ привести ничего, кромѣ безсмысленнаго толкованія Страбона (XI. 2. 11) отъ слова ἄστρα. Правильное объясненіе термина авторы могли бы найти уже у К. О. Müllera Prolegom. z. e. wissenschaft. Mythologie S. 461. Любопытно, что въ Киликіи такъ-же, какъ и въ Ольвіи, Дельск. Тавск. и другихъ ионическихъ городахъ, одна изъ мѣстечекъ называлась Ἀστειροῖς (W. Schoeffer, de Deli insulae rebus p. 29, n. 16 s.).

³⁹⁾ См. Antiqu. du Bosph. Cimn. t. 64. XXXVII, 1 и А. В. Орфинского: Босфоръ. Кіику, стр. 26.

⁴⁰⁾ См. неоднократно упоминаемую статью въ Mittheilungen, S. 30, зрѣт. и H. Milchhöfer Die Anfänge der Kunst in Griechenland, Leipzig 1883, S. 139 (тамъ) не можетъ не высказаться замечаніе, dass die orientalisirende Mischkultur des südlichen Russlands in der That auf ein nicht bloß geographisch nahes Verhältniss zu Asien weist.

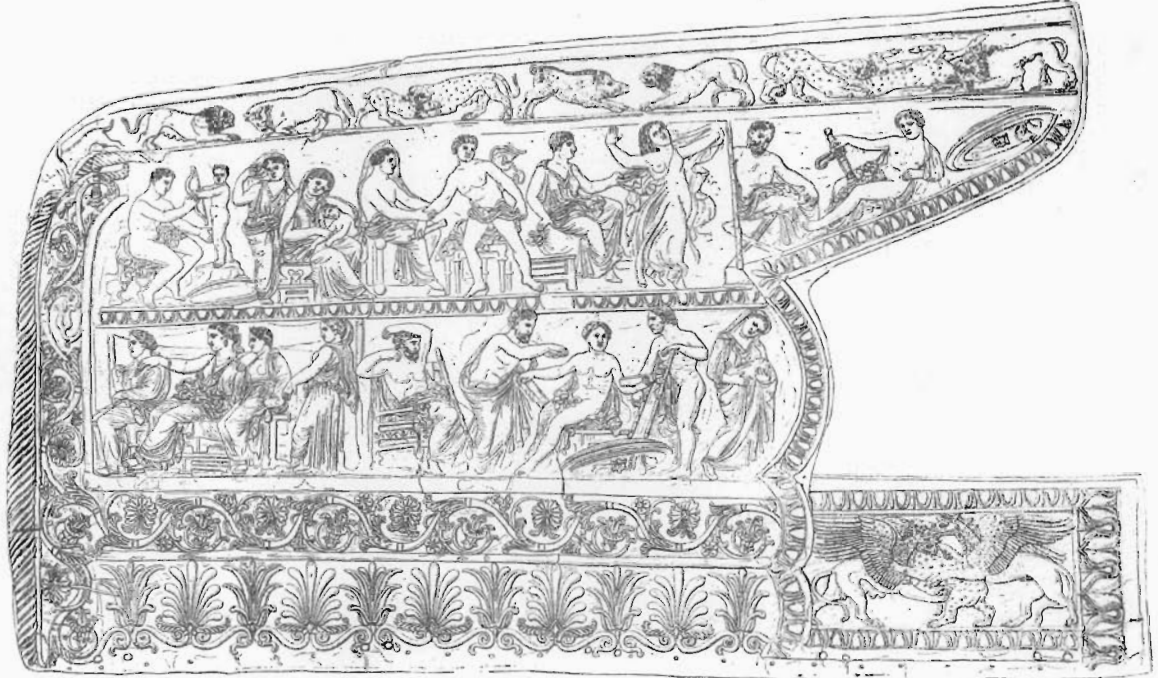
1.

2.

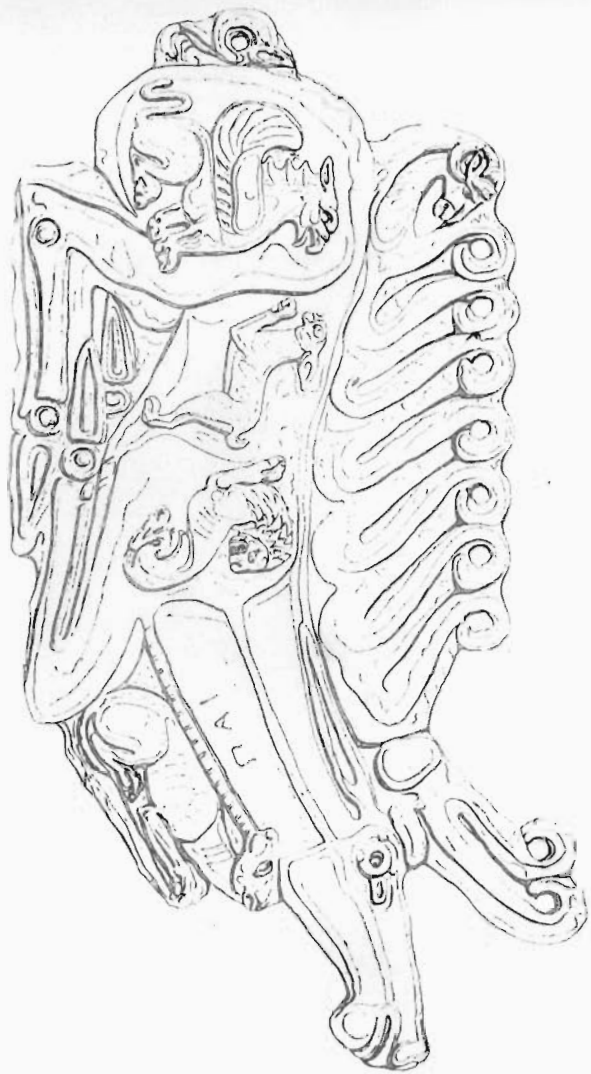
3.

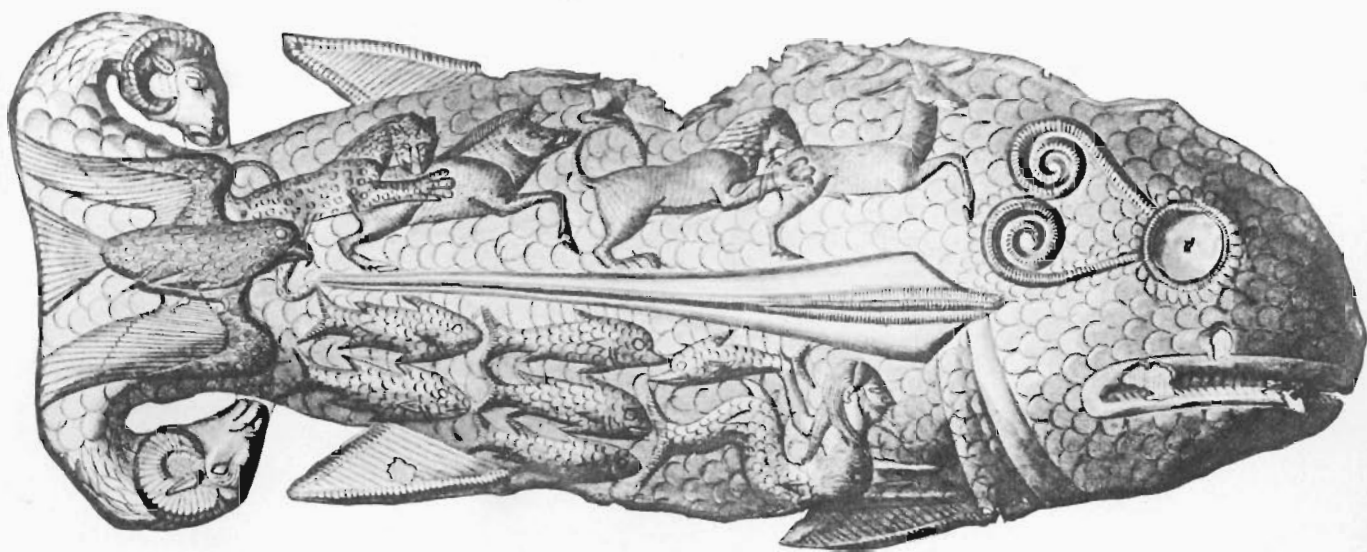
Фототипия Шерера Раббинья «К» в Москве.

1. Золотой медальон с ушными подвесками из Куль-Оба. 2. Киликийский статер с головой Арины (Greenwell, Num. Chron. III series, vol. VII, tab. II, N. 6). 3. Украшение с палучья из Чертомлыцкого кургана.

2.

Фотогипсы Шерера. Наброски в К. из Москвы.

ЗОЛОТЫЯ УКРАШЕНИЯ:

1. Въ видѣ оленя — изъ Куль-Оба; 2. Въ видѣ рыбы — изъ Феттерсфельде; 3. На иожнахъ — изъ Феттерсфельде.

